

15. Sociologiya YAdova: metodologicheskij razgovor (2018) [Sociology of Yadov: methodological conversation] ed. E.N. Danilova. M.: New Chronograph, 944 p. (In Russian).

16. Sociologiya: slovar'-spravochnik (2006) [Sociology: dictionary-reference book] pod red. YU.G.Volkova. M: Diapazon-V, 347 s. (In Russian).

17. Stepin V.S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razliche-niya [Classics, Non-classics, Post-non-classics: Criteria of Differentiation]. Post-classics: Philosophy, Science, Culture. St. Petersburg: pp. 249-295. (In Russian).

18. Tikhonov A. (2009) Sociologiya upravleniya. Teoreticheskie osnovy. [Sociology of management: Theoretical bases], Ka-non+, Moscow, 42 p. (In Russian).

19. Touraine A. (1998.) Vozvrashchenie cheloveka dejstvuyushchego. Ocherk sociologii [Return of the acting man. Essay on sociology]. M.: Scientific world, 203 p. (In Russian).

20. Holdorov O.N. (2016) Sootnoshenie kategorij "actor" i "subekt", "uchastnik", "agent" v politicheskoy teorii. [Correlation between the categories "actor" and "subject", "participant", "agent" in political theory. Bulletin of the Volga Institute of Management]. №4 (55). pp. 128-133. (In Russian).

21. Shcherbina V.V. (2018) Racionaliziruyushchie diagnosticheskie upravlencheskie social'nye tekhnologii. [Rationalizing Diagnostic Social Managment Technologies]. Moscow. 416 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 06.05.2022 (№ 2496)

UDC 316.752

DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_2_142_157

О.А. СИМОНОВА

К ИЗУЧЕНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА*

***Аннотация:** Автор делает попытку определить контуры концепции «эмоциональной культуры» на основе имеющихся работ в социологии эмоций. Хотя накоплено большое количество исследований, в которых эмоциональная культура описывается в целом и через конкретные эмоциональные состояния, проблема концептуального аппарата для ее изучения далеко не решена. Эмоциональная культура формируется в рамках конкретного общества в определенный исторический период и представляет собой конфигурацию верований, нормативных элемен-*

Симонова Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии НИУ ВШЭ (Москва). E-mail: olgsimon@gmail.com.

* Публикация подготовлена в рамках проекта «Моральные эмоции в отношениях неравенства: регуляция и социальные последствия (российский контекст)» (№ 21-04-007) по Программе «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020-2022 гг.

тов (эмоционального режима), эмоциональных практик, согласно которым воспитываются и поощряются определенные чувства и согласно которым люди переживают и выражают их.

Основной задачей изучения эмоциональной культуры является выявление ее роли в функционировании социального порядка, обнаружение конфигураций представлений и практик в опыте отдельных индивидов, социальных групп и социальной структуры в целом. В современных обществах, как позволяют предположить современные работы в области социологии эмоций, формируется неосентименталистская культура как непреднамеренное последствие рационализации всех сторон жизни общества, современной культуры потребления, индивидуализации, психологизации и других факторов. Сочетание рационального отношения к эмоциям и одновременно особое внимание к чувствам, настойчивый поиск аутентичных чувств характеризуют эмоциональную культуру современности.

Одним из ярких проявлений эмоциональной культуры современности стал феномен «эмоционального труда», когда эмоциональность человека — способность управлять эмоциями, распознавать их, осмысливать их, проявлять, изменять и демонстрировать их — коммерциализируется и становится неотъемлемой частью многих профессий и родов занятий, а также одновременно и переносится в некоторые контексты повседневной жизни, психологически организует ее.

Abstract: *The author attempts to define the contours of the concept of “emotional culture” based on existing works in the sociology of emotions. Although there are many studies that describe an emotional culture in general and through specific emotional states, the problem of the conceptual apparatus for its study is far from being solved. An emotional culture is formed within a particular society in a particular historical period and represents a configuration of the beliefs, normative elements (emotional regime), and emotional practices, according to which certain feelings are nurtured and encouraged, and according to which people experience and express them.*

The main task of the study of emotional culture is to reveal its role in the functioning of the social order, to discover the configurations of beliefs and practices in the experience of individuals, social groups, and social structure. In contemporary societies, as suggested by contemporary works in the sociology of emotions, a neo-sentimentalist culture is emerging as an unintended consequence of the plethora of causes — the rationalization of all aspects of society, modern consumer culture, individualization, psychologization, and others.

The combination of a rational attitude to emotions and at the same time a special attention to feelings, a persistent search for authentic feelings characterizes the modern emotional culture. One of the brightest manifestations of the today emotional culture is the phenomenon of “emotional labor”, when a human emotionality — the ability to manage emotions, recognize them, comprehend them, show, change and demonstrate them — is commercialized and becomes an integral part of the most occupations, and simultaneously transferred into the everyday life and psychologically organizes it.

Ключевые слова: социология эмоций, эмоциональная культура, эмоциональный режим, эмоциональные практики, эмоциональный труд.

Keywords: *the sociology of emotions, emotional culture, emotional regime, emotional practices, rationalization, emotional labor.*

Репрезентация эмоциональной культуры в качестве одного из базовых принципов современной социологии эмоций. Стремительное развитие социологии эмоций в последние десятилетия меняет социологическую науку в целом, поскольку способствует включению эмоционального измерения в исследование социальных действий и социальных структур. Особенности феномена эмоциональности человека также дают возможность социологам рассматривать эмоции в качестве носителей культурных смыслов, как реакции, тесно связанные с нормами и ценностями общества и не только на микроуровне социальной системы. Часть социологов стоят на позиции социально-структурного подхода к эмоциям, т.е. рассматривают эмоции как следствие структурных отношений власти и статуса, в этом ключе эмоции определяются не культурными правилами, а структурными свойствами взаимодействия, конкретными социальными отношениями [6].

Однако современная социология эмоций возникает прежде всего в рамках символического интеракционизма и культурных теорий, где важнейшую роль играют правила выражения эмоций и те культурные верования, согласно которым люди выстраивают свою эмоциональную жизнь [20]. При этом важное значение при определении эмоциональной культуры имеют характеристики типа общества, к примеру, в позднесовременных обществах эмоциональная жизнь испытывает глубокое влияние культуры потребления и технологических инноваций, где меняются представления об эмоциях и правилах их выражения, которые теперь постоянно опосредуются через электронные устройства.

В разные периоды развития социальных и гуманитарных дисциплин выделялись различные эмоциональные культуры или их особенности. Одной из первых в явном виде антрополог Р. Бенедикт выделила идеальные типы эмоциональной культуры, японской и американской, назвав их соответственно «культурой стыда» – коллективистской и культивирующей внешний контроль – и «культурной вины» – индивидуалистической и поощряющей внутренний контроль [1]. Хотя эта теория подверглась обоснованной критике, но тем не менее она создала определенный ракурс рассмотрения культуры и общества через представления об важнейших социальных чувствах и соответствующего им поведения.

Классики социологии также в свое время описывали социальную жизнь через ее эмоциональный фон, не используя при этом ясные концептуализации эмоций и эмоциональной культуры. К примеру, Г. Зиммель в феномене «блассированности» городского человека стремился показать, что люди не лишились эмоциональности, а то, что контроль над чувствами стал ценностью и необходимостью в условиях большого города при капитализме [2]. Т. Парсонс описывает идеологию светского «инструментального активизма», в соответствии с которой эмоциональные состояния подчинены рациональности и являются ее подкреплением [3]. Этот список можно продолжить, но главным в социологических и антропологических работах, не только классических, но и современных, является то, что эмоциональная культура тесно связана с социальной структурой, обуславливает разные типы действий, отношений, поэтому необходимо рассмотреть ее роль для более полного понимания общества.

Одним из базовых принципов современной социологии эмоций заключается в том, что эмоции следует изучать как *исторически изменчивые культурные явления*, представления о которых меняются на протяжении времени и от культуры к культуре. Каждое общество в определенную историческую эпоху благоприятствует, воспитывает, поощряет различные специфические эмоции. Поворот к исследованию эмоций в социологии и смежных дисциплинах, появление новых исследований по поводу ведущих представлений о чувствах [4] позволили социологам начать теоретически осмысливать феномен «эмоциональной культуры» как систему социальных ожиданий по поводу адекватного культурным представлениям выражения и переживания эмоций в различных контекстах взаимодействия.

Эмоции предстают здесь не просто как сигналы и мотивы действий, не просто как типические реакции, но как часть символической коммуникации, своего рода «культурные события», которые разделяются и передают основные смыслы культуры. Социологи стали изучать соответствующие словари эмоций, которые отсылают к определенным представлениям и правилам. «Анализ показывает, что язык чувств (и на коллективном, и на индивидуальном уровнях) зависит от более крупных структур чувств», он формируется временем, а также «нормами и ценностями, гендерными представлениями и классовым окружением. Эти факторы определяют, какие чувства социально значимы, какие опасны, какие выражения чувств желательны, какие следует поощрить, а какие — отвергнуть, какие способы выражения или сокрытия чувств в обществе имеют высокий статус» [5: 266].

Отсюда появляется многообразие исследований различных контекстов с учетом роли эмоций, в частности в социологии города, спорта, медицины и мн. др. К примеру, есть основания утверждать, что позднесовременное общество характеризуется специфической культурой страха, позволяющей людям ориентироваться в сложном мире [10]. Помимо этого, каждой социальной группе или сообществу свойственно разделять эмоции, что дает основания говорить об эмоциональном климате объединения, который является существенным фактором групповой динамики, а также о специфичности групповых правил относительно эмоций — «эмоциональные сообщества» [16].

Отсюда социологи могут изучать эмоциональные культуры, эмоциональные сообщества, эмоциональные практики, эмоциональный климат коллективов, которые соответствуют тому или иному обществу в определенный исторический период, что дает возможность существенным образом дополнить научные исследования изменения социальных институтов и соответствующих изменений в поведении индивидов и групп. Как писала К. Юханнисон в своем историческом исследовании меланхолии, «чувства не могут рассматриваться как стабильные сущности или расплывчатые конструкты. Чувства возникают свободно и спонтанно у субъекта, но формируются и контролируются социальными и культурными механизмами» [5: 265].

В связи с этим перед социологией эмоций встает несколько взаимосвязанных задач: 1) определить понятие «эмоциональной культуры» на основе современных теорий: специфические ценности и нормы, связанные с эмоциями и чувствами; 2) рассмотреть социальные функции эмоциональной культуры; 3) выя-

вить причины появления особого эмоционального режима современности — рациональности и компенсирующей силы внимания к эмоциональным переживаниям; 4) рассмотреть «лики» или основные тенденции эмоциональной культуры позднесовременных обществ, т.е. ведущие эмоциональные настроения, наиболее поощряемые, культивируемые эмоции и те, которые с необходимостью возбуждаются в определенных конкретно-исторических социальных условиях; 5) обрисовать перспективы исследования эмоциональной культуры в социологии (в частности, в социологии эмоций).

Безусловно, в рамках настоящей работы эти задачи реализовать невозможно, поэтому нашей целью является только очертить контуры социологического исследования эмоциональной культуры. В связи с этой целью необходимо отметить, что социологи признают *междисциплинарность* в науках об эмоциях как необходимое условие исследования и находят в этом поле свой интерес. Поэтому подчас некоторые важные понятия в современной социологии эмоций заимствованы из истории, психологии и антропологии. В данном случае будем использовать некоторые концепции, которыми сегодня пользуются историки эмоций, которые уже усвоены многими социологами эмоций.

Концептуализация эмоциональной культуры. Теоретик культуры Р. Уильямс использует понятие «структура чувств» для описания форм и тенденций эмоционального поведения определенного времени. Он рассматривает ценности в зависимости от того, как они *проживаются* и выбора определенного тона, моделей выражения чувств и запретов на их проявление. Структуры чувств — это социальный опыт, кажущийся индивидуальным и личным, но имеющий определенные общие свойства, это своего рода «эмоциональная система норм», которая используется для толкования окружающего мира и самопонимания, как часть системы кодов социального взаимодействия [5, 9-11]. Поэтому для понимания общества и границ исторического периода следует определить доминирующую структуру чувств. Эти структуры чувств представляют таким образом своеобразные, часто невидимые, конфигурации представлений и переживания опыта, которые дают нам возможность понять и особенности исторического времени, и его социальные порядки. То есть с самого начала можно сказать, что эмоциональная культура — это определенная структура чувств, свойственная разным обществам в разное время. При этом для описания структуры чувств нам необходимо понимать, из чего она состоит.

Историк эмоций У. Редди сформулировал концепции «эмотивов» и «эмоциональных режимов» (а также других — «эмоциональных убежищ», «эмоциональной либерализации», «эмоционального страдания» и др.), которые с одной стороны, являются генерализующими, а с другой стороны, дают возможность сравнивать различные исторические периоды и культуры [15]. Редди предлагает изучать способы высказывания об эмоциях в каждую эпоху — «*эмотивы*», речевые акты об эмоциях, не только обозначают, но и конструируют реальность, то есть могут ее изменять, а значит и менять действия людей: «Эмоциональные высказывания исторических акторов нельзя отделить от их чувств: всегда существует петля обратной связи между высказанной мыслью и чувствуемой эмоцией» [4, 426-427].

«Эмоциональный режим» — ансамбль предписанных эмотивов и связанных с ними ритуалов, и практики, которые обычно сопровождают/поддерживают каждый политический режим (см. прим. 1). Хотя Редди определяет эмоциональный режим, придавая ему политическое звучание, сегодня это понятие (особенно в социологии) используется для обозначения ансамбля эмоциональных норм и стандартов [12].

Понятие «эмоциональных практик» немецкого историка М. Шеер [17], которое используется вслед за П. Бурдые, также важно для социологической концептуализации эмоциональной культуры. Эмоции рассматриваются в понятии эмоциональных практик как связанные с телесностью культурно-исторические феномены. Шеер выделяет различные типы эмоциональных практик, в которых люди манипулируют телом и мыслью с целью вызвать чувства, либо находят способы придать смысл своим чувствам.

Например, *именующие* эмоциональные практики (наряду с мобилизующими, регулирующими, сообщающими) связаны с порождением значений, когда именование эмоций делает их доступными для опыта и управления. В этих практиках человек скорее «делает» или «пробует»/«примеряет» эмоции (doing emotions; trying emotions), которые можно расположить в континууме от непреднамеренных и неосознанных до преднамеренных и осознаваемых. В эмоциональной практике возникает и сам чувствующий субъект, располагающий себя в рамках габитуса.

Что касается группового опыта и одновременно возможностью «нащупать» контуры эмоциональной культуры в том или ином обществе, то одной из самых известных среди исследователей эмоций является концепция «эмоциональных сообществ» [16] историка-медиевиста Б. Розенвейн: «это «те же самые сообщества, что и социальные: семьи, кварталы, парламенты, цехи, монастыри, церковные приходы. Но исследователь, изучая их, ищет прежде всего системы чувств: что эти общины (и индивиды в них) определяют и расценивают как ценное или вредное для себя; оценки, которые они дают чувствам других; характер аффективных связей между людьми, которые они признают; а также модусы выражения эмоций, которые они ожидают, поощряют, терпят или осуждают» [4, 111].

Среди эмоциональных сообществ Розенвейн выделяла «социальные», характеризующиеся единством норм, регулирующих эмоциональную жизнь их участников, и «текстуальные», основанные на общности идеологии — один и тот же человек может входить одновременно в разные социальные и текстуальные сообщества и системы норм, которые могут противоречить друг другу [16, 24-25]. Эта концепция еще мало применяется в социологии по понятным причинам — социологи стремятся выделить общие, типические тенденции (а не только уникальный опыт), рассмотреть основные черты эмоциональной культуры современных обществ, где рациональный контроль над эмоциями становится ценностью и институционализируется в различных социальных сферах, управление эмоциями становится «вездесущим» и настоятельным, что, возможно, является уникальной приметой времени [12; 13]. Однако эмоциональный опыт отдельных сообществ также важен, хотя и до определенной степени он уникален. Это дало бы возможность критически проанализировать существующие и зарождающиеся тенденции в эмоциональной структуре чувств.

Если попытаться дать определение *эмоциональной культуры*, то можно сказать, что это измерение или часть общей культуры, которая содержит конфигурацию верований или представлений об эмоциях и *эмоциональный режим*, поощряющий и запрещающий определенные эмоции, т.е. систему норм для переживания или выражения эмоций, или правила управления ими (*feeling rules*) [13]. Эмоциональная культура обозначает «любую культуру со своим эмоциональным режимом», т.е. верования или коллективные представления относительно эмоций вместе с соответствующими правилами, ожиданиями относительно выражения эмоций в различных контекстах [12; 13]. Эмоциональные режимы воплощают ценности относительно эмоций, развивают соответствующие обучающие и воспитательные практики. Поэтому не только в аспекте социализации, но и в целом относительно социальной жизни, к понятию эмоциональной культуры можно добавить понятие «эмоциональной практики», которая одновременно воспроизводит определенные представления и правила и меняет их. Сюда же важно отнести и «эмотивы», распространенные и разделяемые высказывания об эмоциях, которые и описывают контексты действия и сами служат в определенной степени основанием для действий. Не обязательно одна или две эмоции являются доминирующими, скорее эмоциональная культура в целом представляет собой исторически сложившуюся конфигурацию различных верований, норм, практик относительно разных эмоций, которые могут содержать отдельные эмоциональные режимы, идеологии, «эмоциональные сообщества» (правила и представления о чувствах, свойственные отдельным группам, категориям людей, например, бедным людям [19]).

Отсюда мы можем исследовать совершенно уникальные и, возможно, в чем-то подобные переживаниям в других культурах, эмоциональные «сгустки», обусловленные одновременно телесностью и культурой, эмоционально-окрашенные культурные конфигурации, описывающие и, возможно, объясняющие наблюдаемые явления. При этом вопрос о том, что является ведущим социальный порядок/система неравенства или эмоциональная культура здесь решается в зависимости от предмета исследования, так как они тесным образом переплетены и оказывают взаимное влияние.

Таким образом, социологи рассматривают взаимосвязь социального порядка и эмоциональной культуры, которая включает словарь эмоций, классификации (см. прим. 2) приемлемых и неприемлемых эмоций и правила их выражения. Индивиды с большей вероятностью будут соблюдать правила эмоциональной культуры и стремиться корректировать ситуацию в соответствии с правилами более широкой культуры – моральными правилами. Сегодня многие социологи и социальные психологи изучают именно «моральные эмоции» – Дж. Стетс, Дж. Тернер, Т. Шефф, Дж. Барбалет и мн. другие [6; 18; 19; 20].

Эмоциональная культура современных обществ. Следуя вышесказанному, мы не можем выделить универсальные характеристики эмоциональной культуры современного мира, но вполне можем поразмышлять об общих тенденциях западноевропейской культуры, проявляющихся так или иначе и в других культурных пространствах.

Сегодня, когда мы наблюдаем общую активизацию интереса к эмоциям в разных сферах жизни общества, *четкое различие между научным исследованием эмоций и возникновением современной эмоциональной культуры отсутствует*. В понятиях об эмоциях смешиваются научные и обыденные представления, отсюда специалисты во многом полагаются на эмоциональную культуру повседневности, повседневные определения эмоций и представлений о них, распространенные в том или ином обществе. То есть знание об эмоциях *междисциплинарно, культурно специфично, локализовано, укоренено в обыденных взаимодействиях*. Безусловно, то определение культуры, которое представлено в данной работе, является довольно абстрактным, и в каждом случае эмоциональная культура должна рассматриваться в определенном историческом, политическом, социальном контексте.

Однако при этом задачей социологов является определить основные тренды эмоциональной культуры современного общества. В целом, можно сказать, современная эмоциональная культура характеризуется постоянно увеличивающимся присутствием эмоций в публичной сфере, проникновением эмоций из приватной интимной сферы в общее публичное пространство (например, культура социальных медиа, в которых обсуждаются частные события обычных людей) — происходит эмоционализация разных сфер жизни общества [12]. В этом ключе важно понять, насколько понятие «эмоциональной культуры» работает для понимания социальных процессов и явлений, а также понять изменения в самом эмоциональном режиме современности.

На основе различных теоретических и эмпирических исследований есть основания утверждать, что в обществах современного типа формируется особая эмоциональная культура, в которой основной ценностью становится рациональное управление эмоциями во всех сферах жизни общества и *одновременно* особенной ценностью обладают сами индивидуализированные чувства, или «подлинные/истинные» чувства, что поддерживается структурой современных социальных институтов — экономики, политики, семьи, брака и др., а также особой «терапевтической культурой», сформировавшейся изначально в западных обществах [11]. Все это оказывает воздействие на различные сферы жизни общества, сами социальные процессы и явления начинают восприниматься через призму чувств и эмоций.

Историк эмоций Я. Плампер утверждает, что эмоциональный поворот в социально-гуманитарном знании начинается с события 11 сентября 2001 г., когда стала пересматриваться роль эмоций как таких переживаний, с которыми не справляются системы социального контроля [4]. С нашей точки зрения, это событие, возможно, и было катализатором, но эмоциональный поворот связан с *приходом новой эмоциональной культуры, которая начала складываться вместе с изменениями в характере современных индустриальных обществ*. Изменение отношения к эмоциям, повышенный интерес к ним со стороны науки и других институций, отдельных людей и разных публик — являются свидетельствами изменения культурных верований в отношении эмоций, *изменений в эмоциональной культуре современного общества*, о чем в последнее время все настойчивее говорят социологи [12; 14].

Как уже было сказано, классики социологии давно обращали внимание на то, что в природе капитализма заложено особое отношение к эмоциям, когда считающиеся неподконтрольными эмоции становятся проблемой, а контроль над чувствами становится одной из основных ценностей, а сами эмоции смещаются в мир интимного и приватного и ценятся как нечто подлинное, уникальное, живое. Современная эмоциональная культура и «особый эмоциональный режим капитализма» [14] связаны с высокой рационализацией и индивидуализацией. Сегодня распространено общее представление, что именно во внутреннем мире индивида и кроется источник социальных проблем, которые должны в силу этого решаться самим индивидом. Это часть общего процесса индивидуализации, в результате которого «социальные проблемы все более воспринимаются в терминах психологических установок: как личная неадекватность, чувство вины, тревоги, конфликты и неврозы» [8].

Многие социологи писали о процессе «*психологизации*» современного общества, моральном упадке сообществ, нарциссической культурной тенденции вследствие идеологии индивидуализма, которую несет с собой «поздний капитализм» [11; 14]. Эта психологизация обуславливает интерес к отдельной жизни человека, его переживаниям, мыслям, его биографии и соответственно эмоциям. Научная и практическая психология, психотерапия оказываются одним из доступных языков говорения об эмоциях на обыденном уровне. Эта тенденция во многом связана с «*терапевтизацией*» культуры [11; 12]. Все эти процессы снижали значение социальных и культурных условий общественном сознании в пользу обсуждения личных эмоций, которые одновременно нужно контролировать или выражать сообразно контексту. «Вчерашний экономический и социальный детерминизм был преодолен новым и не менее жестким детерминизмом — эмоциональным детерминизмом» [18: 353]. Отсюда появляются исследования, посвященные отдельным эмоциональным состояниям, определяющим облик коллективных представлений, социальной памяти, социальных практик и др. (см. прим. 3).

Социальные изменения протекают сегодня в большом темпе, одно за другим происходят события глобальных масштабов. Осознание рисков, сопровождающее социальные изменения, выражается в усилении страха и тревоги, озабоченности будущим [8; 10], поэтому контроль над чувствами дает основание думать, что можно справиться и ситуацией, сами эмоции имеют функцию преодолевать неопределенность будущего наряду рациональным мышлением [6]. Управление эмоциями в современном обществе — знак «жизненной связи между социальными противоречиями и частными попытками управлять своими чувствами» [13: 202]. Этому соответствует область исследований «эмоционального интеллекта» в психологии, психотерапии, науках об управлении (а также применение этого концепта как основы для терапевтических и коммерческих тренинговых практик), который выступает в качестве «защитного мифа индивидуализма» [18: 132], т. е. его развитие «защищает» от трудностей и «способствует» успешности.

Эмоции, таким образом, выступают *высокореклексивными феноменами*, и внимание к ним является проявлением общей социальной рефлексивности по поводу сложного и быстро изменяющегося мира [12]. Рефлексивность выражается в

рефлексивной идентичности, рефлексивной жизненной истории, а наблюдение за чувствами как раз обеспечивает ощущение подлинности/аутентичности. Эмоции становятся «драйверами» морального выбора в стремлении подтвердить свою идентичность [7: 67].

Ведущей чертой современной эмоциональной культуры часто называют «культуру страха» [10]. Однако, опираясь на труды классиков, современную эмоциональную культуру определяли как «культуру эмоциональной холодности» [14], «культуру непризнанного стыда» [19], как «культуру сочувствия», культуру «депрессии» и др. [20]. Таким образом, эмоциональная культура сложна, ее можно рассматривать с разных сторон, относительно различных эмоций, отношение к которым меняется с течением времени. Например, переход от традиционных коллективистских обществ к современным индивидуалистическим социальным образованиям, с точки зрения некоторых исследователей, означает возрастание и распространение чувства вины как типичного переживания в ситуациях, связанных с моральным порядком общества [1; 19]. Но это не означает, что чувство стыда теряет свое значение, уменьшается, не входит в процесс социализации. Антропологи, социологи и психологи использовали противопоставление эмоций стыда и вины как принципы общей типологии культур [1].

Стыд и вина, таким образом, выступают не только как эмоциональные переживания, связанные с разными моральными санкциями, но мыслятся как детерминанты культурного облика. Облик современной культуры и морального порядка предстает как содержащий в себе особую эмоциональную культуру, в контексте которой осознается, переживается, акцентируется и даже превозносится чувство вины, тогда как стыд считается негативной эмоцией и затушевывается. Индивидуализм современного общества предполагает усложнение интернализованных моральных санкций, однако в разных обществах этот процесс протекает неравномерно, при том, что традиционные формы социального контроля (в данном случае, чувство стыда) продолжают функционировать. Можно утверждать, что историческое определение стыда претерпело изменения. Теперь потеря уважения и самоуважения вызывает страх, побуждает избегать переживаний стыда, который при этом является важнейшей эмоцией, конституирующей моральный порядок общества. Поэтому можно сказать, что в современной эмоциональной культуре складывается исторически новое соотношение чувства стыда и чувства вины как моральных регуляторов поведения индивидов, о чем свидетельствуют социально-психологические, социологические и социально-исторические исследования последних лет [4].

С нашей точки зрения, эмоциональная культура не имеет одной ярко выраженной тенденцией, обладает разными измерениями и скорее всего представляет собой некую конфигурацию культурных представлений и соответствующих эмоциональных норм, практикуемых сообществами («эмоциональные сообщества»). Эмоциональную культуру характеризует особое сочетание эмоциональных практик, стилей, сценариев, возникающих на разные стимулы, вызовы и угрозы. Разнородность, сложность эмоциональной культуры можно трактовать как разнообразие реакций на типичные угрозы, которые несет в себе современный

мир. Поэтому наряду с усилением тревоги и страха, может также сохраняться реж- жим сочувствия, а видимая бесчувственность может оборачиваться переживани- ем непризнанного стыда, имеющего свои особые последствия, стремление к кон- троллю над эмоциями сочетается с фиксацией на разного рода переживаниях, поиске аутентичных чувств, культе чувств [10; 12; 13].

Эмоциональная культура современных обществ (скорее западных) представ- ляет собой комбинацию рационального отношения к эмоциям и сопровождается коллективными (часто ограниченными институционально) всплесками энту- зиазма, взрывами негодования и возмущения, чрезмерным акцентированием отдельных чувств, например, подлинной романтической любви [14], подлинно- го Я [13]. *Эмоциональная рефлексивность*, которая рассматривается как свойствен- ная большинству социальных действий, характеризует индивидуальное сознание, которое схватывает сложный и быстро изменяющийся мир посредством чувств, преодолевая тем самым его сложность и фрагментированность и придавая ему через чувства целостность и подлинность. Это подкрепляется современной куль- турой потребления и развитием медиа [12], которые производят соответствующие продукты и нарративы.

Не только ученые, но и обычные люди глубоко интернализируют научные спо- собы мышления об эмоциях. Эмоции становятся одним из основных инструмен- тов социальной рефлексивности: люди не только интересуются самим эмоцио- нальным опытом, но пытаются усваивать знания об эмоциях, чтобы управлять ими. Рационализация как социальный процесс, о котором говорили социологи, отчасти обусловила *ностальгию по живым эмоциям и чувствам* [7; 12], однако люди за пониманием своих эмоциональных переживаний обращаются к научному мышлению. Эта тенденция нашла свое отражение в такой сфере современного общества как «терапевтическая культура», которая, по мнению многих специа- листов, задает тон всей эмоциональной культуре [11]. Также сегодня с появлени- ем социальных медиа индивидуальные переживания становятся известны через коммуникацию в социальных виртуальных сетях, социологи стали рассуждать об особой «*исповедальной*» *эмоциональной культуре* [12]. Эмоции (и интерес к ним) представляется людям чем-то живым, подлинным, аутентичным, и тем, что под- держивает связи с другими людьми в индивидуализированных обществах (это, собственно, и является социальной функцией эмоций, согласно социологичес- кому пониманию. Эта черта современной культуры характеризует коммуника- цию в социальных медиа, где грань между публичным и частным миром индиви- да стирается.

Культура эмоционального труда как одна из важнейших черт современности. Одной из основных особенностей современного общества и соответственно эмо- циональной культуры является процесс коммерциализации чувств и управления чувствами, которое используется с коммерческими целями и особенно в сфере обслуживания. Процесс рационального контроля над эмоциями как одна из ве- дущих ценностей воплощается в концепции «эмоционального труда» [13] – соб- ственно управления эмоциями согласно требованиям работодателя с целью дос- тижения различного рода выгод для обеих сторон, но основанного также и на

общих культурных представлениях. Ценность эмоционального труда приобретает сегодня широкое распространение и влияние, меняя эмоциональный режим трудовых практик и одновременно оказывает сильнейшее воздействие и на приватную сферу.

А.Р. Хохшильд показывает, как возникает и укореняется идея/ценность «подлинного Я» или «подлинных чувств», которые скрываются, подавляются и пр. в процессе эмоционального труда, прежде всего в сервисной индустрии. Ценность эмоционального труда как необходимой части большого количества профессиональных занятий сегодня воздействует и на культуру в целом, где рождаются и соответствующие воспитательные практики для будущих поколений, подготавливающие к рациональному управлению эмоциями в профессиональной сфере.

Например, дети представителей разных классов могут быть по-разному предрасположены к эмоциональному труду — есть вероятность, что дети из среднего класса больше понимают ценность эмоционального труда, больше обращают внимание на эмоциональные переживания и соответственно больше обучаются навыкам управления эмоциями в публичной сфере [9; 13]. Такое отношение к чувствам также порождает представление об отчуждении от «подлинных» чувств как причины эмоциональной усталости, стресса и выгорания, а также различных видов сопротивления существующему порядку.

Идея/ценность «подлинного Я» или «подлинных чувств», которую можно расшифровать как ценность эмоционального труда/рационального контроля над собственными эмоциями позволяет эксплуатировать управление эмоциями в целях достижения денежной прибыли и иногда становится бременем для работников, порождает чрезмерное управление эмоциями, чреватое различными непреднамеренными и наносящими ущерб личностными и социальными последствиями. Поскольку сервисная сфера «проникает» сегодня в приватную сферу через выполнение услуг по поддержанию хозяйства, воспитания детей, устройства домашних торжеств и праздников, знакомств, семейной терапии и мн. др., то и ценность эмоционального труда и/или эмоциональной работы также возрастает и пересекает границу между публичным и приватным.

Современные исследования эмоционального труда демонстрируют [9], что существуют различные виды управления эмоциями в публичном и приватном пространстве и эмоциональный труд — это только один из них, а работники все больше осознают различные типы неравенства и несправедливости, вовлекаются в разные формы протеста, ищут различные стратегии приспособления и модификации нежелательных последствий управления эмоциями.

Одной из основных проблем здесь остается вопрос, имеют ли «подлинное Я» и «аутентичные чувства» онтологический статус. Скорее они выступают идеалами эпохи индивидуализма, которые могут служить как либерализации эмоционального труда, так и его закреплению, могут быть ресурсом самореализации и одновременно участвовать в эксплуатации личных способностей индивида, одновременно ресурсами для подчинения и для сопротивления. В самих эмоциях работников проявляется противоречивость эпохи позднего капитализма, поскольку, с одной стороны, в процессе эмоционального труда ослабляется сигнальная

функция эмоций, которая уже не дает работнику осознать отчуждающее управление эмоциями, гиперрегуляция эмоций становится привычной, а с другой стороны, эмоциональность человека дает возможность почувствовать и как следствие осознать эту ситуацию и искать выход из нее, поскольку результаты эмоционального труда по сути не принадлежат ему, а тем, кто устанавливает правила для управления эмоциями.

За последние сорок лет понятие эмоционального труда в целом в рамках трудовых отношений существенно обогатилось — были выявлены новые переменные, причины и аспекты этих феноменов, появились новые классификации. Специалисты пришли к пониманию, что не следует применять данные понятия абсолютно ко всем родам занятий и профессиям и что для каждого трудового контекста нужен детальный анализ факторов, влияющих на эмоциональный труд, включая клиентов, руководство организаций, сотрудников, условия труда и, конечно, общекультурный, социально-структурный и даже событийный контекст действий работников [9]. В некоторых работах исследователи предлагают отказаться от понятия «эмоциональный труд», считая его узким, а применять понятие «эмоциональной работы» или «управления эмоциями», чтобы не ограничивать общую картину эмоциональности на рабочем месте и социальных последствий этого явления [9].

Сегодня Хохшильд продолжает настаивать на том, что именно понятие «эмоциональный труд» отражает сущность современного капитализма благосостояния, поскольку осознанно выполняется за денежное вознаграждение и теперь даже в тех частных сферах жизни людей, в которые раньше не вторгся рынок. И хотя необходимость эмоционального труда порождает внутренние кризисы идентичности, работники продолжают скорее адаптироваться к этим условиям, а не протестовать против них [9; 13].

Таким образом, понятия «эмоциональной работы», «эмоционального труда», эмоциональных норм (правил переживания и правил выражения эмоций), «эмоционального отчуждения», «эмоциональной культуры», «эмоциональной идеологии» являются принципиальными для Хохшильда в описании не только современных трудовых процессов, но и характера повседневных взаимодействий в целом.

Наряду с понятием «эмоционального труда» понятие «эмоционального интеллекта» из психологии пришло в мир обыденных представлений, закрепляя и распространяя ценности рационального контроля над эмоциями во всех сферах жизни общества — теперь и эмоциональному труду, и эмоциональному интеллекту следует обучаться, и он связывается с ценностями жизненного успеха и счастья отдельного человека.

Заключение. В целом эмоциональный поворот в науках и культуре является появлением новой эмоциональной рефлексивности: «эмоциональный поворот можно назвать «неосентименталистским» течением в современной науке, исследователи видят человека как (прежде всего) чувствующее существо, стремятся установить гносеологические, этические и эстетические основания человеческих переживаний, говорят о роли определенных эмоций в формировании личности и целых сообществ [4].

Мы можем назвать культуру современных обществ новым «чувствительным» веком, хотя она имеет свои особенности. Теперь научная картина мира не выглядит полной без изучения эмоциональных измерений человеческого опыта: эмоции представляются своеобразным доступом к живому и подлинному опыту человека. Сегодня индивиду свойственны ценности индивидуальности и самовыражения, а социальный опыт претерпевается через акцентирование его личных чувств. Различие между разумом и чувствами теперь можно рассматривать как исторический социальный конструкт, поскольку современные исследования указывают, что деятельность мозга не укладывается в рамки такого различия [4; 6]

Однако стоит подчеркнуть, что несмотря на историчность различия между разумом и эмоциями, оно продолжает выполнять свои эвристические функции: человек одновременно и управляет эмоциями, и стремится к свободному их выражению (например, во время спортивных событий), рациональный инструментальный индивидуализм сосуществует в современном мире наряду с коллективным энтузиазмом и воодушевлением.

Задачей социологического исследования здесь является поиск того, при каких условиях и в соответствии с какими правилами люди управляют эмоциями и почему. Это дает возможности посмотреть на эмоциональную культуру, эмоциональные режимы, эмоциональные практики в целом, рассмотреть разнообразие эмоциональных сообществ, включенных в социальный порядок и уживающихся и противоборствующих в современной эмоциональной культуре. Кроме того, как показывают теории идентичности в социологии эмоций [20: 33–50] эмоции помогают выстроить собственную идентичность, выполняя роль оценки ситуации и коммуникативную функцию.

Эмоции являются динамичным переживанием социальных структур, к примеру, моральных правил, и важной частью ориентации социальных действий и интерпретации ситуаций, способствуют закреплению культурных символов, вмещая в себе одновременно и физическую, и когнитивную, и феноменологическую (языковую, культурную), а иногда явную поведенческую реакцию, выступая таким образом (телесными) носителями смыслов и ценностей, «случающиеся» как микрокультурные события.

Эмоции «говорят» индивиду о его связи с социальным миром, они являются комментариями его интересов и стремлений, источниками самопознания, строительными блоками идентичности, субъективным опытом культурных значений. Поэтому концептуализация эмоциональной культуры имеет огромное значение для социологии, позволяя понять проживаемый опыт людей современного общества в разных контекстах, на разных уровнях социальной структуры, наблюдать эмоциональные механизмы поддержания, воспроизводства, трансформации и слома существующих социальных порядков.

К примеру, состояние современного социального неравенства (в т.ч. в глобальном масштабе) не всегда удается охарактеризовать количественными данными, поэтому нам представляется, что дополнить современные исследования социального расслоения с помощью изучения его эмоционального переживания и отсюда понимания и отношения к нему, то есть формирования культурных ме-

ханизмов его воспроизводства и сопротивления ему, является важнейшей задачей современной социологии эмоций.

Таким образом, социологи изучают эмоциональную культуру через понятия эмоциональных идеологий, идеалов и норм, общих стандартов, стилей, режимов, практик, сообществ, структуры чувств, отдельных состояний и др., с целью понять основные социальные тенденции современных обществ и с целью доступа к субъективному аспекту отношений, в которых отражаются определенные структуры и задействованы интерпретации ситуаций и отношений с помощью доступных культурных средств. Эмоции являются динамичным переживанием социальных структур, частью ориентации социальных действий, интерпретации ситуаций, способствуют закреплению культурных символов, выступая носителями смыслов и ценностей, «случающиеся» как микрокультурные события.

Эмоциональная культура – любая культура со своим эмоциональным режимом, т.е. верования или коллективные представления относительно эмоций вместе с соответствующими правилами, ожиданиями относительно выражения эмоций в различных контекстах. Каждая историческая эпоха поощряет или блокирует различные эмоции и, соответственно, содержит специальные стратегии контроля над эмоциями. Исследовать такую культуру – это значит изучать уникальные и типические эмоциональные переживания, в которых «сливаются» телесность и культура и которые представляют собой культурные «конфигурации», часть общего социально-культурного процесса.

Эмоциональная культура обладает разными измерениями: это комбинация культурных представлений, идеалов и ценностей (об эмоциях и чувствах) и соответствующих эмоциональных норм, практикуемых сообществами, особое сочетание эмоциональных практик, стилей, сценариев, возникающих на разные стимулы, вызовы и угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 256 с.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. 2002. № 3-4 (34). С. 23–34.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / Под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
4. Платнер Я. История эмоций / Пер. с нем. К. Левинсона. М: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
5. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / Пер. со швед. И. Матышиной. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 320 с.
6. Barbalet J.M. (1999) *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological approach*. Cambridge: Cambridge univ. Press, 210 p.
7. Bauman Z. (1993) *Postmodern Ethics*. Cambridge: Polity, 255 p.
8. Beck U., Beck-Gernsheim E. (2001) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London, Thousand Oaks, CA, and New Delhi: Sage, 221 p.
9. Bolton S.C. (2009) Getting to the Heart of Emotional Labour Process: A Reply to Brook // *Work, Employment and Society*. Vol. 23. № 3. pp. 549-560.
10. Furedi F. (1997) *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. London: Cassell, 184 p.
11. Furedi F. (2004) *Therapy Culture. Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London, New York: Routledge, 245 p.
12. Gonzalez A.M. (2017) In Search of a Sociological Explanation for the Emotional Turn // *Sociologia, Problemas e Práticas*. № 85. pp. 27-45.
13. Hochschild A.R. (2003) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: Univ. of California Press, 327 p.

14. Illouz E. (2007) *Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge, UK: Polity Press, 134 p.
15. Reddy W.M. (2001) *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. N.Y.: Cambridge University Press, 400 p.
16. Rosenwein B.H. (2006) *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press, 228 p.
17. Scheer M. (2012) Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // *History and Theory*. №. 51. pp. 193-220.
18. Scheff T. (2011) Social-Emotional World: Mapping a Continent // *Current Sociology*. Vol. 59. № 3. pp. 347-361.
19. Scheff T. J. (2014) The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity // *Cultural Sociology*. Vol. 8. № 2. pp. 129-141.
20. Stets J. E., Turner J.H. (eds) (2014) *Handbook of the Sociology of Emotions*. Vol. II. N.Y.: Springer, 579 p.

BIBLIOGRAPHY

1. Benedict R. (2004) Xrizantema i mech: Modeli yaponskoj kul'tury' [The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture]. Moscow: ROSSPE'N, 256 p. (In Russian).
2. Zimmel G. (2002). Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [The Cities and Spiritual Life]. Logos: Zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury. № 3-4(34). pp. 23-34.
3. Parsons T. (1998) Sistema sovremenny'x obshhestv [The system of modern societies]. Moscow: Aspekt Press, 270 p. (In Russian).
4. Plamper Y. (2018) Istoriya e'mocij [The history of emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 568 p. (In Russian).
5. Johannisson K. (2018). Istoriya melankholii. O strakhe, skuke i chuvstvitel'nosti v prezhnie vremena i teper' [The history of melancholia. About fear, boredom, and sensibility in times past and now]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 320 p. (In Russian).
6. Barbalet J. M. (1999) *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological approach*. Cambridge: Cambridge univ. Press, 210 p.
7. Bauman Z. (1993) *Postmodern Ethics*. Cambridge: Polity, 255 p.
8. Beck U., Beck-Gernsheim E. (2001) *Individualization. Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London, Thousand Oaks, CA, and New Delhi: Sage, 221 p.
9. Bolton S.C. (2009) Getting to the Heart of Emotional Labour Process: A Reply to Brook // *Work, Employment and Society*. Vol. 23. № 3. pp. 549-560.
10. Furedi F. (1997) *Culture of Fear: Risktaking and the Morality of Low Expectation*. London: Cassell, 184 p.
11. Furedi F. (2004) *Therapy Culture. Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London, New York: Routledge, 245 p.
12. Gonzalez A. M. (2017) In Search of a Sociological Explanation for the Emotional Turn // *Sociologia, Problemas e Prácticas*. № 85. pp. 27-45.
13. Hochschild A. R. (2003) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: Univ. of California Press, 327 p.
14. Illouz E. (2007) *Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge, UK: Polity Press, 134 p.
15. Reddy W. M. (2001) *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. N.Y.: Cambridge University Press, 400 p.
16. Rosenwein B. H. (2006) *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press, 228 p.
17. Scheer M. (2012) Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a history)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion. *History and Theory*. №. 51. pp. 193-220.
18. Scheff T. (2011) Social-Emotional World: Mapping a Continent. *Current Sociology*. Vol. 59. № 3. pp. 347-361.
19. Scheff T. J. (2014) The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity. *Cultural Sociology*. Vol. 8. № 2. pp. 129-141.
20. Stets J. E., Turner J. H. (eds) (2014) *Handbook of the Sociology of Emotions*. Vol. II. N.Y.: Springer, 579 p.

Примечания

1. В первоисточнике следующая формулировка: «Эмоциональный режим – это набор нормативных эмоций, официальных ритуалов, практик и эмотивов: необходимая основа любого стабильного политического режима» [15: 129].
2. Вопрос определения эмоций и классификации эмоций в социологии является крайне актуальным сегодня, поскольку эти вопросы находятся в центре дискуссий и по ним нет приемлемого консенсуса.
3. См., например, работы о меланхолии – [5], страхе – [10]; стыде – [19] и мн. др.

Поступила в редакцию 15.03.2022 (№ 2497)